

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч.АЙТМАТОВА И М.ШАХАНОВА

Н.К. Сарсекеева, Р.М. Мейрамгалиева
КазНУ им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан
sarsekeeva1403@inbox.ru, mrm@mail.ru

Целью статьи является исследование фольклорно-мифологических основ произведений Ч. Айтматова и М. Шаханова, выявление их роли в создании художественной картины мира обоих авторов. В основе метода исследования – целостный подход в сочетании с элементами сопоставительно-типологического и мифопоэтического анализа. Исследованию подвергнуты сказки, легенды, мифы и притчи, использованные писателями. Рассмотрена трансформация их смыслов в контексте современности. В результате приходим к выводу о том, что обращение к ним служит способом противостояния разрушительному влиянию современной цивилизации в духовно-этическом контексте.

Ключевые слова: *фольклор, мифология, притча, духовность, современность*

The aim of the article is study the folklore and mythological foundations of works of Ch.Aitmatov and M.Shahanov, revealing their role in the creation of artistic paintings of both authors. The basis of the research method - a holistic approach, combined with elements of comparative-typological and mifopoetical analysis. Research subjected to tales, legends, myths and parables used by writers. We consider the transformation of their meanings in the present context. As a result, we conclude that the appeal to him is the way to confront the destructive influence of modern civilization in the spiritual and ethical context.

Key words: *folklore, mythology, proverb, spirituality, modernity*

Изучение взаимосвязей литературы и фольклора, воздействие мифов по-прежнему является одним из средств изучения произведений художественной литературы. Для литератур Казахстана и Средней Азии фольклор продолжает сохранять значение богатейшей сокровищницы, корректирует эстетические взгляды и поведенческие нормы. На протяжении всего своего творчества Чингиз Айтматов, принимая во внимание традиции родного фольклора, русской прозы и мировой литературы, увлеченно искал возможности установления связей человека и мироздания в их художественной конкретности. Так, уже в его повести «Белый пароход» о старике и мальчике ощущалась некая «непривязанность» героев и всей ситуации к конкретике жизни, т.к. новый миф рождается не в недрах народной общности, а в ситуации отъединенности, одиночества персонажа, суверенности его внутреннего мира. Старик Момун был чудачком. Одним можно было сильно обидеть Момуна: позабыть пригласить его на совет родственников по устройству чьих-либо поминок... Мальчик еще не знал, что «*наступит день, когда он останется один на всем белом свете и с ним будет только портфель*» [1, 232].

Повесть «Белый пароход» отличается притчеобразностью, но в творчестве художника притча приобретает новый смысл. Писатель использует принцип параболы: повествование удаляется от современного ему мира, от конкретного времени, конкретной обстановки, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и дает его философско-эстетическое осмысление и оценку. Так, мальчик долго не мог придумать места для портфеля. Наконец положил его рядом с собой в изголовье. Ему захотелось послушать сказку ещё раз, хотя он видел, что деду не до сказки. Поэтому стал рассказывать сказку сам, слово в слово, как дед.

Мальчик рассказывал про жизнь киргизского племени на Энесае («эне» – в переводе означает «мать», а «сай» – это «река, русло») под предводительством вождя – батыра по имени Кульче. Рассказывал о том, как в дни похорон вождя враги напали на киргизов, чтобы покончить с их племенем. Никто не успел убежать. Как вернулись из леса мальчик и девочка, но не застали родителей живыми, и тогда побежали они вслед за убийцами и грабителями. Как догнали дети их, но хан приказал Рябой Хромой Старухе убить детей, которая сжалилась и отдала их Рогатой матери-оленихе, потерявшей двух детенышей от рук человеческих. Как родился у этой пары сын по имени Бугубай и стал умножаться род Бугу – род Рогатой матери-оленихи, в котором чтили ее (символ тотема) как святыню.

Так было, пока не умер один очень богатый, очень знатный бугинец. Много дней справляли поминки, но сыновьям его захотелось оказать памяти отца неслыханную честь – убить марала, а рога установить на гробнице... Мальчик дает собственную оценку далеким событиям в исык-кульских лесах: *«Опустели горы. Не услышать марала ни в полночь, ни на рассвете. Не увидать ни в лесу, ни на поляне, как он пасется... Народились люди, которые за всю свою жизнь ни разу не видели марала. Только слышали о них сказки, да видели рога на гробницах»*. По рассказу мальчика, *«крепко обиделась на людей Рогатая мать-олениха и увела своих детей за великий перевал»* [1, 244].

Появление в «Белом пароходе» мифа о Рогатой Матери-оленихе и сложное сопряжение его с событиями сюжета повести дали повод исследователям говорить об Айтматове в контексте проблем современного мифологизма [2-4]. Появление в местном заповеднике живых маралов поддерживает живущую в сознании мальчика легенду о спасительной Оленихе. Когда-то – говорит киргизское предание - человек прятал под собой рога Матери-оленихи. Ч. Айтматов положил эту легенду в основу своего сказания о маралах, дал ей вторую жизнь. Символично в свете вышесказанного второе название повести – «После сказки», т.к. столкновение чистой детской души, еще не защищенной иммунитетом жизненного опыта, с несовершенством и дисгармонией мира ведет к разрушению идеально-сказочных представлений о нем и выливается в трагедию.

Ярким примером формирования экологического сознания в современной литературе является книга-диалог, книга-эссе «Плач охотника над пропастью», созданная Чингизом Айтматовым в соавторстве с народным поэтом Кыргызстана и народным писателем Казахстана Мухтаром Шахановым, вышедшая в Алма-Ате в 1996 году. В ней немало философских рассуждений о духовных пластах истории тюркских народов, размышлений об обычаях и традициях предков, поучительные примеры великих личностей и деяний правителей прошлого и современности, искренние откровения авторов, обращенные к человеку и миру в целом – миру, стоящему *«над пропастью»*.

Как известно, Ч. Айтматов нередко комментировал эпический субстрат своих произведений прежде всего как интеграцию элементов народного сознания: *«Иногда я включаю в свои произведения безличные пласты народного сознания. Не от имени автора и уж тем более не от имени героя. Это бывает в тех случаях, когда мне надо сказать общее слово»* [5, 137]. Очевидно, что использование элементов народного сознания писателем далеко от какой-либо канонизации: в каждом отдельном случае Ч. Айтматов искал собственный подход и решение в поисках *«общего слова»*.

Легенда – весьма разнообразный в тематическом и содержательном отношении жанр несказочной прозы. На практике довольно часто легенды отождествляются с преданиями, однако в легендах подразумевается больше вымысла. Вот легенда о Чингис-хане из «Плача охотника над пропастью» Ч. Айтматова и М. Шаханова.

Грозный Чингис-хан чурался своего старшего сына Джучи, которого носила под сердцем его жена, плененная в то время кереями, и всегда держал его подальше от себя. Но так как Джучи был самым способным из четырех его сыновей, у кагана не поднималась рука собственноручно убить своего отпрыска. Он посылает к нему тайных палачей.... Увлеченный азартом погони за хромым куланом, Джучи-хан пал от рук убийц, пустившихся по его следу.

Узнав о смерти сына, Чингис-хан, для приличия облачившись в траур, повелел: «Если кто-либо сообщит о смерти Джучи, залью ему глотку расплавленным свинцом!» Никто в великом страхе, сковавшем сердца, не посмел нарушить строгий запрет. В это время один юный певец, настроив свою домбру и с поклоном войдя в шатер к кагану, находившемуся в великой тоске от содеянного, затянул песню «Хромым кулан – Джучи-хан».... Не в силах вынести горестную мелодию, Чингис-хан, слово которого было тверже камня, властно молвил:

– Залить свинцом глотку этого ослушника, посмевшего напомнить мне о смерти Джучи!

– *Погоди, владыка!* – воскликнул тогда певец. – *О смерти вашего сына вам напомнил не я, а вот эта домбра. Залить свинцом надо её!*

Побежденному в словесном поединке Чингис-хану не оставалось ничего другого, как наказать музыкальный инструмент. До сих пор в Улытауской долине Казахстана стоит усыпальница Джучи-хана, единственного из всех четырех сыновей Чингис-хана, успокоенного в выделенном ему улусе. А между тем на земле не осталось могил ни самого Чингис-хана, ни остальных троих его сыновей – Толе, Угедэя и Чагатая [6, 175-176]. В дидактическую по своей направленности легенду включен элемент загадочности: Чингис-хан сам догадывается, о чем поет домбра в руках молодого человека, сумевшего превзойти тирана своей мудрой предусмотрительностью.

Таким образом, народный эстетический опыт, трансформированный в произведениях Ч. Айтматова и М. Шаханова, наглядно демонстрирует, что осмысление писателями проблем человеческого бытия в мифопоэтическом ракурсе сохраняет свою духовно-эстетическую значимость. В свою очередь сложность и противоречивость современной действительности актуализирует дидактический характер народных легенд и мифов, вобравших в себя квинтэссенцию исторического развития человечества, веками проверенный опыт поколений. Акцентированность в художественных решениях обоих писателей притчевое начала с характерным для него принципом параболы служит созданию необходимого оценочного контекста в рамках двуединства экологической направленности: как сохранения природной среды и формирования нравственного облика самого человека.

1. *Айтматов Ч.* Белый пароход. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. – Т. 2. – Алматы: БТА Банк, 2008.

2. *Гачев Г.* Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). – Фрунзе: Адабият, 1989. – 409 с.

3. *Озмитель Е.К.* Мир Чингиза Айтматова // *Озмитель Е.А.* Человек и литература в меняющемся мире: Литературоведческие труды. Литературно-критические статьи. Эссе. – Бишкек, 1997. – С. 147-161.

4. *Полякова Г.* Предание о Рогатой матери-оленихе в «Белом пароходе» Ч.Айтматова. – М.: Индрик, 1999. – 224 с.

5. *Айтматов Ч.* В соавторстве с землей и водой... Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978. – 405 с.

6. *Айтматов Ч., Шаханов М.* Плач охотника над пропастью: Исповедь на исходе века. – Алматы: Рауан, 1996. – 384 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА «ГОЛУБОЙ КНИГИ» М. ЗОЩЕНКО

Сичинава Н.Г.

Государственный университет Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия

nelli.sichinava@yandex.ru

В статье рассматриваются экспрессивные языковые средства, ставшие острым оружием сатиры и юмора в руках писателя Михаила Зощенко. Отличительной чертой языка «Голубой книги» является широкое употребление экспрессивно-оценочной лексики: слов-характеристик с ярким оценочным значением, экспрессивных синонимов, общеупотребительных слов в переносном значении, слов с суффиксами субъективной оценки. Как средство создания юмористического эффекта писатель использует фразеологизмы и поговорки, окрашенные яркими шутливыми, фамильярными, ироническими, презрительными тонами. Важное значение приобретают такие стилистические приемы, как парафраза, анахронизм, плеоназм, антитеза, оксюморон, анаколуп, амплификация, нарушение сочетаемости слов. Они дают писателю возможность заострить внимание на изображаемых предметах и явлениях и предать их осмеянию.

Ключевые слова: *экспрессивные языковые средства, стилистические приемы.*

The article deals with expressive language means, which has become a sharp weapon of satire and humor in the hands of the writer Mikhail Zoshchenko. In the "Blue book" are commonly used expressive-evaluative vocabulary: words characteristics with the estimated value, expressive synonyms, common words in a figurative sense, words with suffixes of subjective evaluation. As a means of creating a humorous effect, the writer uses idioms and sayings, painted humorous, familiar, ironic, scornful tones. Paraphrase, anachronism, pleonasm, antithesis, oxymoron, anakoluthons, the